

ДЖОЙСОВСКИЙ ТИП ХРОНОТОПА В ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПУТЕВОДИТЕЛЕ М. ШИШКИНА «РУССКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ»

Мыслина Юлия Николаевна, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия, yulia_mislina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5561-1859>

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу организации пространственно-временных структур в романе Дж. Джойса «Улисс» и литературно-историческом путеводителе М. Шишкина «Русская Швейцария». Исследуется общий путь проницаемости границ жанров фикшн – нон-фикшн и отражение этого процесса в мировой и русской литературе XX–XXI вв. Доказывается, что для Шишкина, как и для Дж. Джойса, повседневность становится экспериментальным полем, где джойсовское умышленно уничтоженное время переосмысливается современным автором в категорию «одновременности», что позволяет разделенным столетиями людям и событиям рассматриваться в одной точке пространства. У Джойса и Шишкина время мыслится как способ организации событий и фактов, наподобие пространственного, что позволяет представить мировую историю не как систему причин и следствий, но как творческий хаос событий, экспансия которого в жанр нон-фикшн делает повествовательную стратегию многомернее. Двух авторов сближает не только общая литературная традиция, но и автобиографическое осмысление эмиграции, благодаря чему Шишкин сознательно определяет себя как посредника между культурами, для которого речевые техники Джойса входят в само собой разумеющееся ядро художественного стиля новой эмигрантской прозы.

Ключевые слова: Дж. Джойс, М. Шишкин, фикшн, нон-фикшн, история, ризома, simultaneity, spatialisation.

Для цитирования: Мыслина Ю.Н. Джойсовский тип хронотопа в литературно-историческом путеводителе М. Шишкина «Русская Швейцария» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 168–173. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-168-173>

Research Article

J.A.A. JOYCE'S TYPE OF CHRONOTOPE IN MIKHAIL SHISHKIN'S NON-FICTION "RUSSIAN SWITZERLAND"

Julia N. Myslina, The Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia, yulia_mislina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5561-1859>

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of the organisation of spatio-temporal structures in the novel "Ulysses" by James Augustine Aloysius Joyce and the literary-historical guide "Russian Switzerland" by Mikhail Shishkin. The general way of permeability of the boundaries of fiction – non-fiction genres and the reflection of this process in the world and Russian literature of the 20th–21st centuries is investigated. It is proved that for Mikhail Shishkin, as well as for J.A.A. Joyce, everyday life becomes an experimental field, where J.A.A. Joyce's deliberately destroyed time is rethought by the modern author into the category of simultaneity, which allows people and events separated by centuries to be viewed at one point in space. J.A.A. Joyce and Mikhail Shishkin think of time as a way of organising events and facts as a spatial one, which allows us to present world history as a creative chaos of events, the expansion of which into the genre of non-fiction makes the narrative strategy more multidimensional, rather than as a system of causes and effects. The two authors are brought together not only by a common literary tradition, but also by an autobiographical understanding of emigration, thanks to which Mikhail Shishkin deliberately builds himself as a mediator between cultures, for whom J.A.A. Joyce's speech techniques are a self-evident core of the artistic style of the new emigre prose.

Keywords: J.A.A. Joyce, Mikhail Shishkin, fiction, non-fiction, history, rhizome, simultaneity, spatialisation.

For citation: Myslina J.N. J.A.A. Joyce's type of chronotope in Mikhail Shishkin's non-fiction "Russian Switzerland". Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 168–173 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-168-173>

Влияние романа ирландского писателя Дж. Джойса на мировую литературу XX–XXI вв. сложно переоценить. По выражению Д.М. Урнова, «...джойсизмом оказались затронуты писатели, которые не только не знали как следует Джойса, не читали “Улисса”, но даже не слышали о нем и тем более не склонны подозревать, будто в чем-либо от него зависимы» [Урнов]. Разумеется, по мере того, как роман входил в западный канон, такое невольное влияние становилось более осознанным, но одновременно джойсизм стал осознаваться как один из горизонтов развития культуры в эпоху модернизма, а именно как способ осмысления всего спектра речевых стратегий в литературе XX в. Осознанное принятие Джойса соединялось с вчитыванием джойсизма в логику литературной культуры, всей той большой литературной традиции, которой наследует современный писатель. О своей сознательной зависимости от Джойса, причем как будто органичной для русской традиции, писал и М. Шишкин, определивший свою писательскую задачу таким образом: «Я хочу соединить все словесные достижения западной литературы, ее техническую изысканность с русской любовью к Акакию Акакиевичу. Джойс любит слова, а героев своих презирает. В этом смысле мой текст, по крайней мере мне бы очень этого хотелось, есть не что иное, как классический русский роман, написанный сегодня» [Шишкин 2005]. Это не противоречит тому, что сам Шишкин «исключает прямое влияние на свое творчество Джойса, но допускает косвенное воздействие его стиля...» [Рогова] – если под прямым влиянием понимать сознательное подражание и сознательное маркирование определенного стиля, а не растворение в атмосфере этого писателя. Современный литературовед М. Эпштейн утверждает тесную связь обоих авторов в понимании культурной атмосферы и истории одновременно: «...Шишкин пишет о Джойсе, но при этом ему удается так вжиться в Джойса, что кажется, Джойс сам смотрит на себя из другого времени и языка и осознает свою мучительную жизнь, где депрессии и истерики чередовались с эпифаниями. Гений и безумие, серость и пустота, отчаяние и искусство выживать – все в этой прозе вызывает стереометрический эффект соприсутствия: в нее можно войти, поселиться, раздвигать чужую жизнь изнутри или сжиматься в ней» [Эпштейн]. Это мнение дает дополнительный аргумент для исследования влияния джойсовской техники на стиль письма Шишкина, учитывая, что многие современные критики называют Шишкина ««русским Джойсом»» [Шишкин 2005]. Основанием сопоставления оказывается осмысление Шишкиным самого феномена письма и полистилистики как свойства модернизма, что обусловило обращение Шишкина к Джойсу не только в художественных, но и в документальных произведениях.

Во многом благодаря Джойсу в XX в. иначе обозначаются границы художественной литературы, потому что он поставил под вопрос главный догмат прежней художественной литературы, возможность создавать автономный мир фантазии, который самодостаточен и соположен реальному миру. Теперь такой мир либо маркируется как фэнтези, либо продолжает «жизненный мир» (термин Э. Гуссерля) человека, но его же продолжает и журналистика и другой нон-фикшн (название жанра «нон-фикшн» появляется в 1866 г., но термин широко не используется до 1900 г. [Etymology Dictionary]). В 1965 г., после выхода в свет книги Т. Капоте «Хладнокровное убийство», которое сам автор назвал «nonfictionnovel», жанр «нон-фикшн» проблематизируется в качестве термина в результате полемики, когда журналистский штамп превращается в литературоведческий термин [Heune]. Поэтому нон-фикшн становится автономным полем, уравнивающим факт и его интерпретацию.

Шишкин много работает в жанре нон-фикшн на грани художественной литературы и фактологии, поэтому он сознательно выстраивает и свой образ писателя, и свои жанры как ведущие диалог с другими жанрами. В 1999 г. в Цюрихе выходит в свет литературно-исторический путеводитель «Русская Швейцария», который Шишкин начинал создавать для того, чтобы заполнить культурную пустоту собственной эмиграции: «...когда я оказался в пустоте, в швейцарской русской культурной пустыне, мне пришлось писать собственную российскую историю» [Роткирх: 141], как и ранее Джойс при написании «Улисса». Тем самым исторический контекст эмиграции предопределил новое – не литературное, а металитературное – отношение к художественной речи. Поэтому исследование влияния техники Джойса на тип хронотопа в литературно-историческом путеводителе Шишкина «Русская Швейцария» (несмотря на различия жанров текстов: «Улисс» Джойса – «фикшн», «Русская Швейцария» Шишкина – «нон-фикшн») требует не только сравнительно-сопоставительного метода, но и учета философских контекстов и общих мировоззренческих трансформаций литературы в ее стремлении к «металитературности».

Хотя в России нон-фикшн возникает только в 1990-е гг., его истоки прослеживаются уже в так называемой «литературе факта» в 1920-е гг. Кризис прежнего обоснования языка, кризис позитивизма, становящиеся общими для литературы первой трети XX в., позволяют провести параллели между происходящим в России в «литературе факта» с ее авангардными и острающими стратегиями и техниками Джойса в романе «Улисс», где все прежние стратегии романа превращаются в приемы по созданию монтажного эстетического целого. Радикализм «литерату-

ры факта» в России позволил применять авангардные стратегии не только в художественной, но и в документальной литературе. Такой подход к литературе делал различие между вымышленным и фактическим – второстепенным в сравнении со способом производства текста, который выходит на первый план и требует новых приемов. Поэтому «литература факта» начинает осваивать процесс монтажа, который позволяет соединять несоединимое (С.М. Эйзенштейн «Монтаж аттракционов»), как и Джойс в романе «Улисс».

Во второй половине XX в. в Советской России культуроцентричное диссидентство (В. Хинкис и С. Хоружий) обратилось к монтажу как к способу «отзеркаливания» мировых литературных процессов первой половины XX в. Поэтому рецепция Джойса в России, включая перевод Хинкиса и Хоружего, появлялась там, где глубже изучалось соотношение сознания, языковых структур и мировоззрения. Хотя роман Джойса принадлежит к жанру «фикшн», его русская рецепция с самого начала связана с документальной прозой (в статье «Как вращается “Красное колесо”» В. Живов утверждает приоритет документально-исторических глав модернистских романов над беллетристическими [Живов]). Поэтому Хинкис, Хоружий и Шишкин имеют дело уже не с дихотомией факт/вымысел, а с автономным полем нон-фикшн, утвердившимся уже после Второй мировой войны, с чем связана и специфика джойсианства Шишкина.

Итак, проникновение фикшн в нон-фикшн обязано кризису старых представлений об истории, в которой различались «достоверность» фактов и «художественность» их оформления, на чем строились традиционные исторические монографии и исторические романы. Повышенная историческая рефлексия, которую мы всегда встречаем в прозе Шишкина, и потребовала не старых стратегий исторического романа, а новых постмодернистских стратегий контаминации и критической проверки различных дискурсов. Поэтому «Русская Швейцария» Шишкина – это пространственная проза, в которой топика связывается с пространственными приключениями, например эмиграцией, и что Джойс позволяет не сводить эти приключения к частным коллизиям, показывая, что с ними связаны и общие перипетии художественного языка.

Пространственное мышление оказывается основой критической проверки видоизменений художественного языка благодаря влиянию Джойса. Ведь уже в начале XX в. ирландский писатель «аннулирует историю как процесс» [Хоружий: 85], заменяя в своих романах время пространством. Джойс «не понимает» и не принимает исторический процесс в своем классическом представлении, поэтому уже в романе «Улисс» для Стивена история – это «кошмар, от которого я пытаюсь проснуться» [Джойс: 41], а для Блума «...все это бесполезно... Сила, ненависть, исто-

рия, все эти штуки...» [Джойс: 373]. Джойсовское понимание всемирной истории находит свое продолжение в парадигме воскресения, иначе говоря – абсолютно внесистемного события как основы любого настоящего развития (например, в романе «Поминок по Финненгану» – концепция вечного повторения и возвращения). Причем, в отличие от позиции Ф. Ницше, для которого «вечное возвращение» было способом освободиться от «кошмара истории», иначе говоря – от банальности поступков и дурной бесконечности одних и тех же ошибок, позиция Джойса выглядит позитивной, потому что «возвращение» оказывается не ответом на какую-то проблему, а началом самого бытия.

В литературно-историческом путеводителе Шишкина «Русская Швейцария» преодоление «кошмара» истории происходит путем ее сцепления «... в самых непривычных комбинациях»: Скрябин спешит по жене-вской улице навстречу бегущему за акушеркой Достоевскому... На вершине горы Риги встречаются восход плечом к плечу Тютчев и Бунин» [Шишкин 2011: 11–12]. Перед нами не просто уловка беллетриста – как любопытно всё сходится, что вполне существовало и в традиционной беллетристике, а метод исследования русской Швейцарии, реконструкции ее «природы», рефлексия одновременно над несколькими разнородными культурами. Здесь ризоматичность вторгается в нон-фикшн, происходит экспансия, интерференция или агрессия.

Эксперимент предполагает некоторое ограниченное замкнутое выделенное пространство, в котором объект исследования чужд окружению. Джойс помещает всю мировую историю в один день, а весь мир – в один город, поэтому каждый его житель (и сам город Дублин) становятся героями романа «Улисс»: теми, кто не просто действует, а создает концептуальные ключи прочтения происходящего (как обычно герой-человек в традиционной прозе заставляет иначе смотреть на происходящее в каком-то пространстве). Джойсовский Дублин населен реальными людьми, знакомыми самого автора или знакомыми знакомых, что показывает склонность к документальности или псевдодокументальности. Джойс вводит в порядке эксперимента живых людей, они как читатели себя узнают, но это создает не новую художественную реальность, когда из прототипов создавались типы, как в традиционной прозе, а продолжение познавательного эксперимента, насколько реальность может входить в современный роман.

Эксперимент Шишкина в «Русской Швейцарии» – это эксперимент в той же джойсовской технике, только с людьми прошлого, и получается, что техника принимается как само собой разумеющееся при портретировании города или страны. Для современного писателя повседневность тоже становится не просто

источником образов и эмоций, а полем эксперимента, точкой отсчета разговоров о культуре. В путеводителе «Русская Швейцария» мы читаем: «Может ли бюргерское, “швейцарское”, презренное и осмеянное существование сравниться со сладостным самопожертвованием, гарантирующим бессмертие в революционных святцах?» [Шишкин 2011: 21] – Швейцария Шишкина, как и джойсовский Дублин, становится героем романа, точнее своеобразного историко-философского трактата, так как путеводителем данная проза названа, по словам самого автора, «лукаво» [Шишкин 2013]. Но при этом швейцарская локализация представлена точно и достоверно (как и требует жанр «путеводителя») – каждый город и дом заселен реальными людьми (как и в литературном Дублине Джойса), где, кроме швейцарцев, живут деятели русской культуры и искусства на протяжении почти двух столетий. Возникает вопрос: почему Швейцария со своей «заповедью» «Трудись, трудись, строй свой домик!» [Шишкин 2011: 21] становится русским революционным очагом, да еще и на протяжении такого длительного срока? Ответ очевиден: «На русской революции делаются швейцарские деньги» [Шишкин 2011: 24]. Здесь и обнажается не рациональное планирование русских революций, а, наоборот, их хаотичность и ризоматичность, даже призрачность (как у А. Солженицына в документально-художественном произведении «Ленин в Цюрихе», где также есть элементы монтажа, псевдодокументальности и т. д. [Спиваковский]). Таким образом, Швейцария оказывается замкнутым миром не только в смысле своего образа жизни, но и в смысле возможности экспериментально проверить, как сталкивались разные миры в Швейцарии, миры разных людей и групп. Для Шишкина важно такое столкновение и взаимное наложение языков и судеб, важно не только различие и сопоставление, но и сосуществование в одном пространстве, что соответствует именно джойсовской технике в исследовании национального и революционного мифотворчества. У Шишкина, как и у Джойса, сырая повседневность становится не предметом психологизации, а объектом изучения социального пространства и форм сознания в нём.

У Джойса в «Улиссе» – вечное настоящее, время, которое «ничем не отличается от пространства»: «Все миги, все события, прошлые, настоящие и будущие, наделены статусом настоящего, то есть становятся одновременными... На месте исчезнувшего времени оказывается новое, дополнительное измерение... Джойс изменил топологию вселенной, заменив ось времени еще одной пространственной осью» [Хоружий: 84]. По Джойсу, опространствование времени означает отмену всех законов истории, а человек – уже не творец истории, а просто «скита-

лец», встречающий различные события, как странник – изменяющиеся в дороге пейзажи: «Иду, шажок за шажком. За малый шажок времени сквозь малый шажок пространства» [Джойс: 44]. Поэтому у Джойса вся человеческая жизнь – лишь «тропка в лесу событий» [Хоружий: 85], которые могут повторяться и складываться в любых вариациях, лишь бы они не подчинялись так называемым «законам истории», позволяя беспрепятственно превращаться времени в пространство.

Пространственная конфигурация в джойсовской традиции определяет статусы героев и режим их изучения и в путеводителе Шишкина «Русская Швейцария», где повествование следует за движением в пространстве, направляясь по пути русских деятелей культуры на протяжении почти двух веков – то забегая вперед, то возвращаясь назад, поэтому время в «Русской Швейцарии» – нелинейно, ризоматично, как будто все события происходят в некоем условном историческом периоде. Например, в главе «Пушкинский профиль Маттерхорна. Валлис» читатель вслед за Н. Станкевичем поднимается «по течению Роны – от Женевского озера до Симплонского перевала...» [Шишкин 2011: 409], где каждый уголок земли отмечен «русским следом». Здесь в одном том же кантоне «встречаются» русские политики, художники, писатели и музыканты, разделенные более чем вековым временным промежутком: «В Ормоне... в 1895 году устраивают переговоры Плеханов, Потресов и Ленин... В следующей деревне... Диаблере отдыхает Игорь Стравинский с семьей летом 1917 года... В Диаблере Набоковы... покупают в 1962 году участок земли...» [Шишкин 2011: 409–411] – люди и события сходятся в одной точке пространства, происходит «спатIALIZация» (превращение времени в пространство), что и исполняет интенцию Джойса в рассмотренном отрывке.

Итак, джойсовское умышленно уничтоженное время переосмысливается Шишкиным в категорию временной «симультанности» (одновременности), которая определяется М. Липовецким как «соединение в едином художественном мире... культурных систем, отделенных друг от друга сто-, а то и тысячелетиями» [Липовецкий: 25], поэтому пушкинский профиль Маттерхорна середины XIX в. снова проявляется под кистью В. Набокова во второй половине XX в. В эссе «Больше чем Джойс» Шишкин утверждает особый тип джойсовской временной симультанности, распространяющийся уже не только на поле романа «Улисс», но и на саму жизнь: «В его книге всё происходит одновременно, как в жизни. В жизни в это время в соседней комнате на другой планете спасается его книгой мать заключенного. Анна Ахматова простаивает днем бесконечные тюремные очереди, чтобы узнать что-то о судьбе сына, а вечерами читает. В ок-

тябре 1940-го она скажет подруге: “Прошлую зиму я читала “Улисса”» [Шишкин 2019: 52], что отражает специфическое отношение автора с языком, отстранение от культуры, репрезентацию мысли и ощущения XX в.

Джойса и Шишкина сближают и биографические обстоятельства – эмиграция в чужую страну, которая усложняет отношения с языком и общественными вопросами одновременно, обостряет саморефлексию. «Джойсовский субъектный синкретизм» [Оробий: 112] у Шишкина присутствует не только в эссе «Больше чем Джойс», но и усиливается в литературно-историческом путеводителе «Русская Швейцария», где сама эмиграция понимается не как перемена места/страны, а как новое осмысление отношения к слову и языку: «Как Карамзин ехал сюда с томиком Руссо, так после него поедут с томиком Карамзина» [Шишкин 2011: 15]. Главные герои прозы Джойса и Шишкина – тоже эмигранты, например, в романе «Улисс» Блум – еврей ирландского происхождения, его нация, по его же собственным словам, «ирландская», но «...еще я принадлежу к племени... которое ненавидят и преследуют... Продают на рынке в Марокко, как рабов, как скот» [Джойс: 372]. Одной из главных причин эмиграции самого Джойса становится непринятие его таланта на родине. Поэтому в романе «Улисс» Стивен также осознает ненужность его литературного дара для Ирландии, размышляя: «Мы не можем сменить родину. Давайте-ка сменим тему» [Джойс: 649]. Эмиграция Джойса позволяет автору «сменить тему», дает возможность создавать свою историю, превращая новое место пространства в концептуальное пространство своих мыслей.

В путеводителе Шишкина русские деятели культуры и искусства в Швейцарии тоже чужие. Например, Герцен, любясь красотами Маттерхорна, размышляет: «Странно чувствует себя человек в этой раме – гостем, лишним, посторонним...» [Шишкин 2011: 420]. Здесь Шишкин вслед за Джойсом пытается «сменить тему», создавая в Швейцарии свою собственную российскую историю, что оказывается возможным только благодаря его нахождению в чужой языковой среде, где он пытается «... понять через альпийские отражения, почему у моей страны такое монструозное прошлое, которое не пускает ее в будущее» [Бондарева], что в определенной мере соответствует джойсовской интенции написания романа «Улисс»: разобраться с тем, почему духовный кризис целой страны не может быть преодолен даже совместными усилиями всех «сочувствующих»: философов, писателей, интеллектуалов. Шишкин в литературно-историческом путеводителе «Русская Швейцария» сознательно представляет себя эмигрантом нового типа, гражданином мира, что схоже с жизненной позицией Джойса.

Таким образом, джойсианство Шишкина не ограничивается только стремлением мобилизовать выработанные литературой модернизма средства для более рельефного изложения фактов, но представляет собой особое осмысление «литературы факта» и путь адаптации достижений нон-фикшн для создания произведения русской литературы, претендующей на осмысление современного состояния русской культуры. Современное состояние мыслится им как неопределенное, требующее особого духовного усилия русских писателей страны и диаспоры, а значит, и подразумевающее особую организацию речи как не привязанной к действию, но как бы мгновенно переизобретающую ситуацию нахождения человека в культуре. Техники Джойса оказались здесь адаптированы к этой задаче. То актуальное настоящее, которое конструировал Джойс, оказалось некоторым местом развертывания непротиворечивого нон-фикшн о единстве русской культуры, как сам Джойс стремился установить единство индивидуальной судьбы в мире радикальных разрывов и неотменимых изменений. Шишкин при этом опирается не только на художественные достижения Джойса, но и на джойсианство в самом общем смысле. В его рефлексии над наследием Джойса проявляется вскрытие тех свойств письма Джойса, которые обычно уходят на второй план в джойсианстве – критика мифотворчества, индивидуализация эмиграции, отстраненное отношение не только к индивидуальной, но и к социальной чувственности. Раскрывая эти свойства письма, Шишкин создает своеобразный монтаж, но не из чувственных впечатлений или концептов, но ситуаций живой речи и живой памяти, которые он находит в ходе своего художественного исследования русской Швейцарии, всякий раз переопределяя границы речи и памяти как в индивидуальном, так и в социальном опыте.

Список литературы

Бондарева А. «Мои романы – это просто большие стихотворения»: Интервью с Михаилом Шишкиным. URL: <http://chitaem-vmeste.ru/zvyozdy/interviews/moi-romany-eto-prosto-bolshie-stih> (дата обращения: 08.06.2021).

Джойс Дж. Улисс / пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. М.: АСТ, 2019. 1056 с.

Живов В. Как вращается «Красное колесо». URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1770 (дата обращения: 07.04.2021).

Литовецкий М.Н. Русский постмодернизм: (Очерки исторической поэтики): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 317 с.

Оробий С.П. «Вавилонская башня» Михаила Шишкина: опыт модернизации русской прозы. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 161 с.

Рогова Е.Н. Традиции Д. Джойса в романе М. Шишкина «Письмовник» (сопоставительный анализ мотивов). URL: http://www.philology.nsc.ru/journals/sis/pdf/SS2014-2/2014_2_rogova.pdf (дата обращения: 15.03.2021).

Роткирх К. Одиннадцать бесед о современной прозе. М.: НЛЮ, 2009. 160 с.

Сиваковский П. Ленин и черт: история одной (не) встречи в эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо». URL: https://istina.msu.ru/media/publications/article/e54/e60/6068085/Lenin_i_chert.pdf (дата обращения: 15.03.2021).

Урнов Д. Дж. Джойс и современный модернизм. URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/joyce-i-sovremenniy-modernizm.htm> (дата обращения: 15.05.2021).

Хоружий С. «Улисс» в русском зеркале. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. 384 с.

Шишкин М. Буква на снегу. М.: АСТ, 2019. 106 с.

Шишкин М. О новом типе романа, русском языке и любви к Акакию Акакиевичу». 2005. URL: <https://magazines.gorky.media/km/2005/2/yazyk-eto-oborona.html> (дата обращения: 15.05.2021).

Шишкин М. Русская Швейцария: литературно-исторический путеводитель. М.: АСТ, 2011. 606 с.

Шишкин М. Только когда вам заткнут рот, вы поймете, что такое воздух. 2013. URL: https://www.colta.ru/articles/swiss_made/1544-mihail-shishkin-tolko-kogda-vam-zatknut-rot-vy-poymete-cto-takoe-vozduh (дата обращения: 10.05.2021).

Эпштейн М.Н. Михаил Шишкин о Джойсе и о Шарове. 2019. URL: <https://mikhail-epstein.livejournal.com/239654.html> (дата обращения: 10.06.2021).

Etymology Dictionary Non-fiction. URL: <https://www.etymonline.com/word/non-fiction> (дата обращения: 08.04.2021).

Heune E. Toward a Theory of Literary Nonfiction. URL: <https://muse.jhu.edu/article/244366/pdf> (дата обращения: 08.04.2021).

References

Bondareva A. "Moi romany – jeto prosto bol'shie stihotvorenija": Interv'ju s Mihailom Shishkinym ["My novels are just great poems": Interview with Mikhail Shishkin]. URL: <http://chitaem-vmeste.ru/zvyozdy/interviews/moi-romany-eto-prosto-bolshie-stih> (access date: 08.06.2021). (In Russ.)

Dzhojs Dzh. *Ulyss* [Ulysses], per. s angl. V. Hinkisa, S. Horuzhego. Moscow, AST Publ., 2019, 1056 p. (In Russ.)

Zhivov V. *Kak vrashhaetsja "Krasnoe koleso"* [How the "red wheel" rotates] URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1770 (date access: 07.04.2021). (In Russ.)

Lipoveckij M.N. *Russkij postmodernizm: (Ocherki istoricheskoy pojetiki)* [Russian Postmodernism: (Essays on Historical Poetics)]. Ekaterinburg, 1997, 317 p. (In Russ.)

Orobij S.P. "Vavilonskaja bashnja" Mihaila Shishkina: opyt modernizacii russkoj prozy ["The Tower of Babel" by Mikhail Shishkin: Experience in Modernizing Russian Prose]. Blagoveshensk, BGPU Publ., 2011, 161 p. (In Russ.)

Rogova E.N. *Tradicii D. Dzhojsa v romane M. Shishkina "Pis'movnik"* (Sopostavitel'nyj analiz motivov) [J. Joyce's traditions in M. Shishkin's novel "Pis'movnik" (Comparative analysis of motives)]. URL: http://www.philology.nsc.ru/journals/sis/pdf/SS2014-2/2014_2_rogova.pdf (access date: 15.03.2021). (In Russ.)

Rotkirh K. *Odinnadcat' besed o sovremennoj proze* [Eleven Conversations on Contemporary Prose]. Moscow, NLO Publ., 2009, 160 p. (In Russ.)

Spivakovskij P. *Lenin i chert: istorija odnoj (ne) vstrechi v jepopee A. I. Solzhenicyna "Krasnoe Koleso"* [Lenin and the devil: the story of one (un) meeting in the epic of A.I. Solzhenitsyn's "Red Wheel"]. URL: https://istina.msu.ru/media/publications/article/e54/e60/6068085/Lenin_i_chert.pdf (access date: 15.03.2021). (In Russ.)

Urnov D. *Dzh. Dzhojs i sovremennyyj modernizm* [J. Joyce and modern modernism]. URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/joyce-i-sovremenniy-modernizm.htm> (access date: 15.05.2021). (In Russ.)

Horuzhij S. "Ulyss" v russkom zerkale ["Ulysses" in the russian mirror]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2015, 384 p. (In Russ.)

Shishkin M. *Bukva na snegu* [Letter in the snow]. Moscow, AST Publ., 2019, 106 p. (In Russ.)

Shishkin M. *O novom tipe romana, russkom jazyke i ljubvi k Akakiju Akakievichu* [About a new type of novel, the Russian language and love for Akaki Akakievich]. URL: <https://magazines.gorky.media/km/2005/2/yazyk-eto-oborona.html> (access date: 15.05.2021). (In Russ.)

Shishkin M. *Russkaja Shvejcarija: literaturno-istoricheskij putevoditel'* ["Russian Switzerland": non-fiction]. Moscow, AST Publ., 2011, 606 p. (In Russ.)

Shishkin M. *Tol'ko kogda vam zatknut rot, vy pojmete, chto takoe vozduh* [Only when your mouth is gagged you will understand what air is]. URL: https://www.colta.ru/articles/swiss_made/1544-mihail-shishkin-tolko-kogda-vam-zatknut-rot-vy-poymete-cto-takoe-vozduh (access date: 10.05.2021). (In Russ.)

Jepshtejn M.N. *Mihail Shishkin o Dzhoise i o Sharove* [Mikhail Shishkin about Joyce and about Sharov]. URL: <https://mikhail-epstein.livejournal.com/239654.html> (access date: 10.06.2021). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.05.2021; одобрена после рецензирования 26.09.2021; принята к публикации 12.11.2021.

The article was submitted 14.05.2021; approved after reviewing 26.09.2021; accepted for publication 12.11.2021.